Рыцарь из Дома Драконов

Автор:
Анатолий Бочаров

Рыцарь из Дома Драконов

Анатолий Юрьевич Бочаров

Хроники Иберлена #1

На протяжении многих столетий рыцари из Дома Драконьих Владык хранили мир в королевстве Иберлен. Однако теперь наступили смутные времена. Приняв сторону честолюбивого узурпатора, мятежные лорды захватили столицу. Юноша по имени Артур Айтверн, потомок Драконьих Владык, становится последним защитником законного наследника престола. Блуждая в хитросплетениях политических интриг, ощутив дыхание древней магии, Артур должен сделать правильный выбор и спасти тех, кто ему дорог.

Анатолий Бочаров

Рыцарь из Дома Драконов

Пролог

История, которую мы хотим рассказать вам, случилась в давние дни в королевстве, называемом Иберлен. Иберлен не был ни сильнейшим, ни богатейшим из государств той эпохи, однако его рыцари были храбры, вельможи – не обделены мудростью, а королевский дом пользовался любовью народа. Тысячу лет уже правили на этой земле короли рода Карданов и правили бы, возможно, еще много столетий, не настигни их злая судьба.

Могущественная южная империя Тарагон, тень которой накрывала тогда треть известного мира, вторглась в Иберленское королевство. Король Эларт, не желая склониться перед захватчиками, собрал вокруг себя всех своих лордов и рыцарей и принял бой. Была середина осени. В сражении, названном впоследствии Битвой Ста Сломанных Копий, Эларт Кардан погиб, а возглавляемая им армия была разбита и отступила на север, во внутренние области королевства. Здесь, укрепившись в древнем замке Шоненгем, лишенные предводителя рыцари встретили зиму – а зима в тот несчастливый год выдалась лютой настолько, что казалось, весь мир скоро будет скован панцирем изо льда и снега. Много дней из-за туч не было видно солнца, много дней дул безжалостный ветер, много дней снег падал косой стеной. Отрезанные непогодой равно от неприятеля и от собственного стольного города, рыцари Иберлена готовились к обороне, зная, что, как только зима закончится, враг пойдет на штурм их последней твердыни и отбить этот штурм едва ли будет возможно. Слишком ослаблены они были понесенным поражением и гибелью государя, слишком силен и многочислен был враг. Близилась битва – и многим казалось, что эта битва станет последней.

Вьюга в тот день разошлась не на шутку. Она надрывалась раненым волком, выла тысячью злых голосов, ревела так яростно, будто была исполинским чудовищем, вознамерившимся сожрать весь мир.

Возле окна, что выходило на заметаемый метелью крепостной двор, стоял немолодой мужчина, облаченный в простую темную одежду. Черные волосы его посеребрила кое-где седина, лицо казалось изможденным и усталым. У него были широкие плечи и сильные руки, привычные к рукоятке меча.

Двор совсем уж замело, снега навалило в человеческий рост. С утра его пробовали расчищать, но потом вновь поднялась буря. Человек в черном смотрел, как буря низвергает с небес тяжелые серые хлопья. Он ощущал себя загнанным зверем, которого очень скоро настигнет охотник. Ему казалось, эти хлопья падают, заметая его будущую могилу.

Стоявшего у окна звали Камбер. Он был герцогом Эрдером, владетелем Северных Земель. Один из самых знатных дворян королевства, опытный и умелый воин, Камбер возглавлял Коронный Совет, правящий ныне остатками государства, и носил звание регента. Здесь, в Шоненгеме, родовом замке дома

Эрдеров, иберленская армия заняла свои позиции в ожидании весны. И в ожидании того, как весной по просохшим дорогам к ним подступятся армии врага.

Камбер Эрдер в сердцах помянул нечистого. Отвернулся от окна, прошел вглубь комнаты, к большому письменному столу. На столе лежала придавленная по краям тяжелыми бронзовыми статуэтками карта королевства и окрестных земель. Регент склонился над ней. Согнув спину и прищурив слезящиеся глаза, он внимательно всмотрелся в карту, как делал за последние дни не раз.

Этот замок, поначалу представлявшийся последним надежным убежищем, в действительности оказался ловушкой. Отступать из него было уже некуда. Дальше к северу лежали одни только Каскадные горы, за перевалы которых ни один смертный не поднимался уже тысячу лет. Говорят, там правят фэйри, и людей в их владениях ожидает лютая смерть. Южнее же Шоненгема раскинулись центральные области страны, ныне захваченные чужеземцами. Даже столица Тимлейн оказалась в кольце осады. Некоторые в Коронном Совете изначально предлагали держать оборону там, в главном городе королевства, но Камбер еще осенью настоял на отходе в свою родовую крепость. Тут, по крайней мере, они могли продержаться на несколько месяцев дольше. Тогда герцогу Эрдеру казалось, что в этом есть смысл.

Теперь Камбер не видел смысла ни в чем. Постоянные заботы и тревоги подточили его. Герцог был уверен, что вот-вот свалится с ног. Очень болели и слезились глаза. Их жгло постоянно, уже много дней подряд. Еще сильнее раскалывалась голова. Почти терпимо утром, чуть похуже к вечеру, и совсем остервенело – по ночам. Боль сжимала череп тугими тисками, заставляя порой путать дневную явь с ночным бредом. Временами ему чудилось, он слышит призрачные голоса, и эти голоса смеются над ним.

Слуги, замечая испытываемые их господином страдания, тихонько перешептывались и предлагали позвать лекарей. Камбер в ответ только молча сжимал зубы. Соратники, в отличие от слуг, не говорили ни слова – лишь отворачивались и молчали.

Эрдер не сомневался – многие в замке уверены, что ему стоит отказаться от звания регента. Соглашаться с этим он, однако же, не хотел. Тем более что Камберу совсем не нравились настроения, завладевшие его соратниками. Слушая выдвинутые ими планы, он сомневался, что может по-прежнему

доверять этим людям.

Камбер взялся за кувшин с вином. Попробовал налить вино в стоящий на столе кубок. Разумеется, расплескал – больно уж дрожали руки. Вино вылилось на карту, окрашивая бумагу в темный цвет и расползаясь по ней огромным пятном.

В дверь постучали.

– Войдите! – бросил герцог, рассеянно барабаня пальцами по рукоятке кинжала.

В дверях возник капитан Виллем, командир шоненгемской гвардии. Он кутался в роскошный, из соболиных шкур сшитый плащ. Зима выдалась на редкость морозной даже для этих северных краев, издавна принадлежавших дому Эрдеров. Единственным утешением осталось то, что куда больше неудобств морозы доставляют вторгнувшимся в Иберлен солдатам империи. Хоть какое-то преимущество, жаль, что самое крайнее к апрелю оно сойдет на нет. Армии противника были многочисленны, отлично вооружены и не испытывали особых проблем с подвозом продовольствия. Они не отступят.

Империя Тарагон вознамерилась сжать в своем кулаке все земли и все страны, весь мир от одного края света до другого, и гордое северо-западное королевство ей в этом не помеха. Пришедшие с юга войска растопчут Иберлен, и он падет, как пали до него королевства Лумей, Бритер, Гердланд. Треть Срединных Земель уже изнемогала под пятой захватчиков.

– Герцог Эрдер, – глубоко и с почтением поклонился Виллем, – совет вновь собрался и ожидает лишь вашего присутствия.

«Совет». Одно это слово заставило душу Камбера сжаться от боли, и регенту пришлось приложить усилие, дабы и тени чувств не отразилось на его нарочито невыразительном лице.

План спасения, принять который предлагало большинство входивших в Коронный Совет вельмож, представлялся Эрдеру предательством памяти всех, кто погиб на этой войне, и предательством чести всех, кто еще оставался в живых. Он спорил, возражал, приводил доводы, едва не срывался на крик – все было тщетно. Его не слышали, будто он разговаривал на каком-то непонятном окружающим языке.

– Хорошо. – Эрдер надел регентскую цепь, опустившуюся на плечи тяжелыми металлическими звеньями. – Проводите меня, капитан.

Блейр Виллем вновь поклонился. За семнадцать лет службы он превратился в неотступную тень герцога Эрдера. Камбер уже сбился со счету, сколько раз Блейр спасал ему жизнь – и в гуще боя, на полях сражений, и от кинжалов и стрел наемных убийц.

Коронный Совет, составленный из наиболее знатных и могущественных дворян королевства, собрался в Большом зале, под сенью знамен с вышитым на них яблоневым деревом. То были королевские знамена, стяги дома Карданов, правившего страной многие сотни лет и пресекшегося с гибелью короля – два месяца назад, в осенней грязи и слякоти на Дрейданском поле.

Они не стали избирать нового короля. Когда привычный мир рушился прямо на глазах, это казалось предательством памяти Эларта. Тогда они предпочли оставить престол пустым, а вопрос о его наследовании – зависшим в воздухе. Даже герцог Айтверн, чья семья издавна была опорой правящей династии, не стал претендовать на престол. Но сейчас Коронный Совет все же поднял вопрос наследования, и при одной только мысли о претенденте, которому собравшиеся здесь вельможи собирались вручить королевский титул, герцога Шоненгемского начинало мутить от ярости.

Камбер поклялся себе, что пока он жив, этот новый претендент ни за что не получит корону.

– Лорд Эрдер. – Герцог Радлер Айтверн приветливо улыбнулся. Казалось, он был искренне рад видеть регента. – Хорошо, что вы наконец присоединились к нам. Я тревожился, пока вы заперлись один в своих покоях на три дня. Желаете выпить глинтвейна? Сегодня холодней обычного. – Подтверждением его слов служил выступивший на щеках Радлера румянец.

– Я не нуждаюсь ни в каком глинтвейне, – сухо ответил Камбер, занимая свое место во главе стола. Виллем встал в трех шагах позади него. – Это моя родина, Радлер. И мне здесь не холодно.

– Воля ваша, – кивнул Айтверн.

Радлер сидел в противоположном конце зала, окруженный своими вассалами. Он словно нарочно выбрал место в самом низу стола – прямо напротив регента. Герцог Западных Берегов был облачен в родовые зеленые и золотые цвета, сплошь бархат и шелк. Фамильные светлые волосы, скрадывающие и делающие незаметной легкую пока еще седину, рассыпались по плечам. Пальцы Айтверна, пребывающие в неизменном движении, то и дело касались висящего у него на груди медальона, украшенного гербом дома – расправившим крылья драконом.

Эрдер заставил себя отвести взгляд от старого друга. Друг этот стал сейчас немногим лучше врага, потому что решение, к которому Радлер склонял совет, являлось безусловным злом. Но любого врага можно вызвать на поединок и пронзить мечом, остановив распространение подогреваемой им смуты. Айтверн врагом не был. Их семьи всегда были дружны. Камбер и Радлер вместе учились ратному делу и вместе скакали на войну. Прежде лорд Эрдер и подумать не мог, что их с Радлером может разделить пропасть непонимания.

– Вы достаточно много времени провели у себя, размышляя. Скажите же, каково ваше окончательное решение? – подал голос Ральф Блейсберри, чья семья всегда была верным вассалом дома Эрдеров, а он сам – верным вассалом Камбера. Граф Блейсберри сидел по правую руку от регента, но, как и все остальные здесь, принял сторону Айтверна.

– Мое решение остается неизменным, – тяжело ответил герцог. – Мы никогда не согласимся на предложение Ретвальда. Да я скорее позволю имперцам сжечь весь Иберлен дотла, а пепел его засыпать солью, нежели увижу на престоле Эларта эту бледную тварь! Мне стыдно слушать вас и видеть вашу трусость. Вспомните о том, кто вы есть! Никогда наши предки не ползали на коленях перед всякой мразью, и не нам нарушать их обычаи. Предлагаю прекратить впустую сотрясать воздух и перейти к обсуждению насущных дел. Например, к планированию весенней кампании. А о том, что говорилось здесь раньше, и думать забудьте.

По залу волной прокатился шепот – совсем тихий во главе стола, он усиливался, приближаясь к месту, где замер герцог Запада. Радлер Айтверн сидел в кресле ровно, будто насаженный на копье. Его доселе блуждавшие тут и там ладони легли на самый край стола, скованные несвойственной им неподвижностью. Внезапно старый друг показался Эрдеру очень молодым – куда моложе истинного своего возраста, куда моложе даже собственного сына и наследника, не присутствующего на совете. Радлер выглядел совсем еще юнцом,

мальчишкой. В точеных чертах лица, выдававших родство с эльфами, обозначилась беззащитность. Но вот Радлер тряхнул головой, и наваждение пропало.

– Мне кажется, – сказал он, и в мелодичном голосе зазвенели серебряные колокольчики, – мне кажется, у нас найдется куда более животрепещущая тема для разговора, нежели весенняя кампания. Потому что, как к ней ни готовься, весна все равно не принесет нам ничего иного, кроме смерти. Давайте посмотрим правде в глаза, милорды. Лгать себе самим – последнее дело, а мы сейчас только этим и занимаемся. Мы проиграли эту войну. Нас убьет если не голод, то штурм, а если не штурм, то осада. Нам некуда отсюда бежать, а осаждать нас здесь имперцы смогут долго. Мы не продержимся и до лета. Наш единственный оставшийся шанс – чтобы кое-кто все же предоставил нам обещанную им помощь. Вы знаете, о ком я говорю.

Да, они знали.

Бердарет Ретвальд. Так звали никому не известного бродягу, проходимца без роду и племени, явившегося ко двору Эларта через неделю после того, как империя Тарагон объявила войну Иберлену. Бледный, слабый телом, побитый жизнью невзрачный человек в черных одеждах, потребовавший аудиенции у его величества. Ретвальда впустили. Эларт был не из тех королей, что прячутся от народа за семью стенами. Эрдер помнил, как этот ублюдок стоял на беломраморных плитах тронного зала, в столице, в оставленном ими позже, в начале ноября, престольном городе Тимлейн. Незваный гость стоял, небрежно потирая пальцами подбородок и задрав нос до потолка. Надменно кривил губы, ронял с них презрительные фразы, будто говорил не с первыми рыцарями государства, а с равным себе сбродом.

Ретвальд сказал, что он чародей. Маг. Прошел обучение в каком-то тайном ордене за многими морями и является одним из сильнейших мастеров в своем ремесле. Двор ответил на его слова презрительным хохотом. Волшебник! Подумать только, волшебник! Да все люди во всех просвещенных землях, начиная с самого несмышленого ребенка и заканчивая дряхлейшим из стариков, знают, что последний чародей на земле сгинул шесть столетий назад. Да, когда-то на свете жили волшебники, укравшие секреты своего мастерства у фэйри. Но они были горды и надменны, они истребили друг друга в междоусобных войнах. Шесть столетий назад закончилась война, названная Войной Пламени. Победителей в ней не нашлось, и после нее всякая магия отошла в область

сказок. Ни один здравомыслящий человек не поверит теперь в ее существование, и нужно быть полным безумцем, чтобы называть себя волшебником.

Так думали они все, пока чужак не показал кое-какие из своих умений. Черные тени толпились вокруг Ретвальда, призванные его волей, и колдовские огни разгорались в этих тенях. Тонкая вуаль задернула льющийся из окон свет, и удивительные видения смущали разум собравшихся у королевского трона высоких лордов. Настоящая, древняя магия, никем в стране не виданная много веков. При одном только воспоминании о том дне у Эрдера мурашки пробегали по коже – и тем сильнее становилась его злость. Потому что когда удивительное представление закончилось, Бердарет Ретвальд, так и не снявший с лица высокомерной гримасы, поведал о причинах своего визита в Иберлен. Он сказал, что в начинающейся войне у королевства нет никаких шансов победить. Что империя разгромит любые силы, которые только может выставить Иберлен. Что их сокрушительное поражение – не более чем вопрос времени.

И что он, искусный и могущественный чародей, единственный чародей в этой части света, готов предложить лордам Севера свои услуги. Истинную магию, которая окажется полной неожиданностью для тарагонцев и переломит ход войны. Но за любые услуги полагается цена, и Бердарет не забыл назвать свою.

«В случае, если мое искусство будет применено, – сказал он, в школярском жесте спрятав руки за спиной, приобретя оттого еще более нелепый вид, – в случае, если мое искусство будет применено и превозможет силу империи, принеся вам победу в войне, ваше королевство должно оплатить мне за спасение достойной платой. Ибо пусть в таком случае Эларт Кардан уступит мне и моим потомкам принадлежащие ему корону и трон, и все вельможи Иберлена признают меня своим законным королем и властителем».

Никогда за всю историю не звучало более неслыханного, дерзкого и смехотворного предложения. Добровольно отдать престол великой державы пришедшему с большой дороги наглецу?! Вот так, прямо как в сказке?! Уж не считает ли колдун их идиотами?

Разумеется, ему тут же указали на дверь. Иного и быть не могло. Тогда они еще пребывали в здравом уме. Уже уходя, чародей обронил: «Я ничуть не удивлен вашим отказом. Сильным мира сего свойственна гордость, переходящая в гордыню, так уж заведено на свете. Впрочем, любая гордыня рано или поздно

сталкивается со здравым смыслом. Попробуйте выиграть эту войну сами – и когда увидите, что не способны сделать это, я охотно окажу вам свои услуги. Если пожелаете найти меня, ищите в Слайго», – назвал он порт на западном побережье.

Колдун ушел, и все вскоре забыли о нем – до поры до времени. Слишком много событий вобрала в себя вспыхнувшая яростная, кровопролитная и безнадежная война. Разгромив и опрокинув выставленные Элартом и его военачальниками дружины в череде ожесточенных сражений, имперцы подобно половодью разлились по стране, сметая любые встречавшиеся на их пути попытки сопротивления. Казалось, что любые начинания рассыпаются прахом, а небо готово обрушиться на землю.

Вслед за тем с юго-запада стали поступать донесения, поначалу казавшиеся чистым безумием, но со временем подтвержденные в докладах очевидцев, которым нельзя было не доверять в силу уже хотя бы их многочисленности. В тех донесениях сообщалось, что подступившая к Слайго тарагонская армия герцога Торисмонда была начисто уничтожена разразившейся бурей стихий, каковая буря даже краем не затронула расположившиеся рядом иберленские войска. Огонь, и ветер, и дикие тени, и погибельный свет – все они обрушились на иноземцев, истребляя их или обращая в бегство. Чародей доказал свое могущество.

И теперь, когда король мертв, столица оставлена на милость врагу и любая надежда потеряла силу – Коронный Совет решил вспомнить о сделанном Ретвальдом предложении. Хотя лучше бы не вспоминал.

– Никогда, – чувствуя гнев, выдохнул Камбер. Ему очень захотелось стукнуть кулаком по столу. А еще лучше – по упрямым дубовым головам иберленских вельмож. – Никогда! Мы не пойдем этим путем. Я скорее умру, нежели увижу на Серебряном Престоле чужака и чародея, пришедшего из ниоткуда и желающего получить власть над страной так, как мастеровой получает за свою работу пригоршню монет.

– Вот как? – Губы Айтверна сложились в изысканную, церемонную улыбку. – Ваши твердость и решительность невольно вызывают у меня уважение. Мало кто смог бы отстаивать убеждения подобного рода с такой непреклонностью. Однако да простятся мне дерзкие слова, герцог Эрдер, но ваши твердость и решительность неизбежно приведут нас всех в могилу.

– Вы желаете меня оскорбить? – осведомился Эрдер, пытаясь задавить клокочущую в сердце ярость.

– Нет, я лишь пытаюсь докричаться до вашего рассудка, хоть мне порой и кажется, что это невозможно. – Герцог Запада откинулся на спинку кресла, всем видом выражая усталость. – Поверьте, Камбер, мне и самому становится дурно, когда я представляю будущую необходимость называть мастера Бердарета своим государем. Однако я не вижу никакого другого способа уберечь нашу родину от полного уничтожения. Чародей способен остановить нашего врага, случившееся при Слайго доказало это. А мы сами не можем сделать уже ничего, кроме как сложить свои головы. Я скорее предпочту жить в свободной стране с хоть каким-то королем, а не в рабской провинции, лишенной всякого короля.

– Вы просто предпочтете жить, – огрызнулся регент. – Ни для кого не секрет, что имперцы развешают нас всех по перекресткам дорог, если только смогут. Они желают вырезать под корень иберленскую знать, не пощадив никого. А вы просто хотите выжить, и вам плевать, какую цену за это придется заплатить.

– С этим я не поспорю, – согласился Радлер настолько вежливо, что это было способно довести до бешенства. – Было бы ложью отрицать, что я очень хочу жить. И мои люди хотят. Моей матери, моей жене, моему сыну, моей дочери, моим вассалам и моему коню очень не хочется умирать, и я был бы дурным сеньором, оставив их чувства без внимания. Мои люди должны жить. И они будут жить. Это и в самом деле сделка, а когда заключаешь сделку, положено платить. Никто не просил Ретвальда спасать наше королевство, но он его спасает, и наш долг отдать ему взамен то, чего он хочет.

– Ах, вот как. Ваш долг. Ваш долг – жить с мужеством и умереть с ним же. Как и мой долг, как и долг моих наследников. Жаль, если кто-то это забыл. Пока я регент королевства, мы не пойдем ни на какие переговоры с колдуном и будем сражаться своими и только своими силами. Иной раз поражение честнее и достойней победы. Вы должны это понимать.

Шепот, проносящийся по залу, стал громче и тревожней.

Айтверн внимательно рассматривал стоявший перед ним бронзовый кубок.

– Иными словами, – наконец произнес он, – вы, лорд мой Эрдер, утверждаете, что охотно обречете всех нас на поражение и гибель во имя декларируемых вами принципов?

– Если вам угодно выставлять все в подобном извращенном свете – да, обреку, – сказал Камбер. Он уже забыл, что Радлер был ему другом, злость вытеснила это воспоминание вместе со всеми прочими. Но одновременно со злостью герцог Эрдер ощущал растерянность. Он уже попросту не понимал, как его соратники могут всерьез рассуждать о тех вещах, о которых они сейчас рассуждали. Они же не купцы, чтобы заключать сделки подобного рода, они воины, а воины не платят за жизнь свободой. Камбер поражался, откуда только взялось охватившее совет безумие. Как можно было не краснея и не отводя глаз говорить подобные вещи?

– Вы готовите подобную участь и своей семье? – дотошно продолжал Радлер. – Мне кажется, что ваш сын не разделяет высказанного вами мнения, и присутствуй он здесь, охотней поддержал бы меня, а не вас.

Будь это ложью, Эрдер с удовольствием заставил бы наглеца ответить за нее всей кровью, что у того нашлась бы. Но, к сожалению, Айтверн говорил правду. Камберу не осталось ничего иного, кроме как пожать плечами:

– Отцы имеют право решать за детей, ведь именно они породили их на свет. Для Элтона будет уместней умереть, не опозорив себя и семейного имени.

– Не могу вас понять, – пожаловался Айтверн, сплетая пальцы замком. – Вы и я – прошлое, а наши дети – будущее. Как прошлое может отправлять будущее в могилу? – Неожиданно он перешел на Высокое Наречие: – Брат, неужели ты не понимаешь, что творишь? – Голос герцога Запада был тих.

– Радлер… – Регент неожиданно запнулся. Он не знал, что сказать. – Радлер… Я не бездушное чудовище, каким ты, наверно, меня возомнил. Правда. Просто… Просто иногда лучше не побеждать. Если мы пойдем на это… Это будет хуже, чем полный разгром. Мы перестанем быть самими собой. – Он помолчал, прежде чем перейти обратно на язык северных народов, принятый в его стране. – Господа совет! Мое решение окончательное и обжалованию не подлежит. Ни ныне, ни впредь мы не будем иметь с господином Ретвальдом никаких сношений. Таково слово регента.

Последовавшая за тем пауза показалась Эрдеру бесконечной. Все собравшиеся в огромном зале аристократы хранили молчание. Никто не проронил ни слова, но регента жгли устремленные на него взгляды. Ему казалось, каждый из этих взглядов обвиняет его.

– Господа, – сказал наконец Айтверн очень ровным голосом, – обстоятельства таковы, что я вынужден лишить регента Эрдера его полномочий и объявить взятым под арест. До тех пор, пока нынешняя смута не закончится и пока в стране не восстановятся порядок и мир. Стража, препроводите лорда Эрдера в его покои.

Подчинившись его словам, четверо дежуривших на посту у дверей воинов двинулись через все помещение к регенту. Похоже, солдат известили обо всем заранее – уж больно готовы они оказались исполнить подобный приказ.

Камбер выскочил из-за стола, сорвав с плеч и отбросив в сторону гербовый плащ. Меч сам собой прыгнул ему в руки.

– Радлер, вы понимаете, что это измена? – спросил он.

Айтверн наклонил голову:

– Если угодно, можете считать это изменой. Опустите клинок, я не хочу кровопролития. Когда все вернется на круги своя, вы выйдете на свободу. Сейчас ваше пребывание у власти опасно для нас всех, и для вас самих в первую очередь.

Да что он несет, в ярости подумал регент. Почему змеиный язык этого мерзавца еще не усох и не вывалился из лживых уст? В любом случае Камбер Эрдер не собирался слушать доводы врага. Он обратился к своим вассалам, так и сидевшим за столом без малейшего движения:

– Блейсберри, Данкрейн, Лайонс! Встать! Обнажить клинки! Покажем подлецам, какого цвета у них кровь!

Никто из троих вассалов герцога Эрдера, присутствующих на совете, даже не шелохнулся.

– Прошу простить меня, господин, но герцог Айтверн прав, – сказал Ральф Блейсберри, отводя глаза. – Его слова кажутся мне разумными… Извините. И кроме того, ваш сын действительно не согласен с вами.

– Совершенно верно, – кивнул Данкрейн. Этот глаз не прятал. – Короля у нас все равно нет. Лучше такой, как волшебник, чем никакого. Лорд Ретвальд, по крайней мере, приведет нас к победе, а не к гибели.

Похоже, дело безнадежно, подумал Камбер. Ну что ж, остается драться – не в обычаях его рода сдаваться врагам. Хоть немного этих предателей он с собой заберет в могилу, а там трава не расти.

– Блейр, – негромко сказал герцог Эрдер, не отводя взгляда от приближающихся стражников. Те явно не торопились. Должно быть, боялись – все знали, как хорошо Камбер владеет мечом. – Блейр, придется прорываться с боем.

– Милорд… – Казалось, Виллем колеблется. – Милорд… Не придется. Опустите оружие.

Послышался мягкий шепот покидающей ножны стали.

Что?!

Лорд Эрдер молнией развернулся к капитану своей охраны, забыв, что тем самым подставляет спину врагам. Блейр Виллем стоял, высоко подняв голову и опустив меч острием вниз.

– Ты предал меня?!

– Да! – Капитан неожиданно сорвался на крик. – Да, я предал вас! Потому что не хочу, чтобы вы погибали! И не хочу, чтоб лорд Элтон погибал! Так что замолчите, бросьте оружие и делайте, что вам сказали!

– Камбер, ваш капитан прав, – послышался голос Радлера – похоже, тот встал из-за стола и теперь приближался к нему, – положите оружие, я не хочу…

Все, что он хотел или мог сказать, уже не имело значения. Камбер рванулся вперед, выставив клинок. Виллем не ожидал атаки – на его лице отпечаталось неподдельное изумление. Наверно, он еще успел бы парировать – капитан был опытным бойцом, закалившим искусство фехтования в сотнях ожесточенных схваток. Но он не поднял меча. Не шелохнулся, не сдвинулся с места. Он так и не смог поднять оружия против своего господина. Даже для того, чтобы защититься.

Меч Камбера вонзился Виллему в живот, превращая его в одну огромную зияющую рану. Во все стороны хлынула кровь. Герцог Северных Земель вновь погрузил оружие в тело командира собственной охраны, пробив тому грудь, и насадил Виллема на клинок. Затем Эрдер быстро развернулся, с трудом высвобождая оружие, и бросил тело Блейра под ноги солдатам.

– Стоять! – заорал во всю глотку подбежавший к месту схватки Радлер Айтверн. – Прекратите немедленно, – продолжил он хрипло. – Камбер, ты еще не сошел с ума! Остановись! Что ты творишь?!

Церемонность и придворный лоск оставили герцога Айтверна. Казалось, он был растерян. В иных обстоятельствах Эрдер пожалел бы его, в иных обстоятельствах он бы даже послушал его, но сейчас перед низложенным регентом стоял враг.

– Нам не о чем говорить, – отрезал он.

– Отойдите, – бросил Радлер солдатам, – отойдите подальше, чтобы вашего духу здесь не было! Я побеседую с герцогом Эрдером один на один. – Воины попятились в разные стороны.

– Айтверн, не сходите с ума! – крикнул кто-то из дворян. – Этот безумец не знает, что творит! Он убьет вас!

– Хватит вам меня пугать. – Герцог Запада широко, по-мальчишески улыбнулся. – Что за глупости вы придумали. Этот человек мой друг. Друзей я не боюсь.

Он высоко поднял разведенные в стороны руки и двинулся вперед. Зря он это сделал. Камбер ринулся на Радлера, распластав меч в глубоком проникающем выпаде – засвистел разрываемый воздух. Айтверн ускользнул, перетек в сторону

от линии атаки – плавным, обманчиво-легким движением, наверняка отозвавшимся в его теле тугой вяжущей болью. Крутанулся на каблуках, разворачиваясь лицом к Эрдеру. Выхватил меч из ножен – в его руке сверкнула серебристая молния.

– Я не хочу с тобой сражаться, – мягко сказал Радлер, медленно водя острием клинка из стороны в сторону. – Мы ведь не враги.

– Ты так думаешь? – усмехнулся Камбер, кружа вокруг него, как настарнийский тореадор танцует вокруг бешеного быка. – Ты решил свергнуть регента королевства. Решил свергнуть меня. Разве это не делает нас врагами?

– Я бы не стал этого делать, будь у меня другой выход.

Эрдер не ответил ему. Вместо этого он вновь сделал выпад – на сей раз рубящий в шею. Айтверн закрылся, черты его лица неожиданно исказила ярость. Он крутанул кистью и выбил у Камбера меч из рук. Кто-то из придворных крикнул.

Дальнейшее произошло слишком быстро. Камбер выхватил из наплечных ножен изогнутый дарнейский кинжал и попробовал ударить Айтверна, метя в бедро. Тот отшатнулся, взмахнул клинком, а Эрдер потерял равновесие и начал заваливаться вперед. Чуть правее сердца вдруг вспыхнул огонь, жаркий, как в кузнечном тигле, перед больными глазами заплясали звезды. Герцог Севера рухнул на колени, увлекая Радлера за собой, но тот в последний момент разжал пальцы, выпуская эфес, и устоял на ногах. Камбер полубессмысленно скосил глаза вниз – и увидел, что в его грудь вонзился меч Айтверна. Похоже, что Камбер напоролся на клинок случайно. Все тело сотрясла судорога, спину разорвало нестерпимой болью.

– Брат!!! – В крике Радлера Айтверна, рухнувшего оземь рядом со смертельно раненным регентом, не оставалось и следа разума. – Брат, что я наделал?!

Камбер попробовал что-то сказать, но не смог. Рот его вдруг наполнился кровью. Вокруг что-то кричали наконец вскочившие со своих мест вельможи, но их вопли казались отдаленными и приглушенными, долетавшими с огромного, немыслимо огромного расстояния. Застыл перед глазами обезумевший от отчаяния Радлер, бледностью сам напоминавший мертвеца. Эрдер попробовал опереться ладонями о гранитные плиты и встать на ноги, но тело отказало, и герцог

тяжело повалился на пол. Айтверн склонился над ним, но его лицо теряло четкость и уплывало прочь.

Губы Камбера Эрдера, герцога Северных Земель и регента королевства Иберлен, сами собой внезапно раздвинулись в кривой усмешке.

И стало совсем темно.

Так началась эта история. Два знатнейших вельможи королевства, два соратника, два лучших друга сошлись в смертном бою – и один из них пал.

Разумеется, Радлер Айтверн, отважный и справедливый герцог Запада, лорд побережья, пошел на захват власти не из честолюбия, а из желания спасти свой народ. И он спас свой народ, потому что чародей по имени Бердарет Ретвальд, откликнувшись на призыв Коронного Совета, явил свою колдовскую силу и в жестокой битве уничтожил армию империи, на многие годы отогнав иноземцев от иберленских границ. Наградой чародею стал опустевший трон.

Вопреки опасениям многих, чужеземный колдун, сев на Серебряный Престол, не оказался ни угнетателем, ни тираном. Напротив, надев корону, Бердарет Ретвальд правил осмотрительно и мудро, и при помощи своих советников, первым из которых сделался герцог Айтверн, вновь поднял из пепла разрушенное королевство. Истоптанные поля были засеяны, сожженные города – отстроены, и дни войны сменились днями мира. Страна, что недавно стояла на краю гибели, уцелела и процветала. Победа, видевшаяся недостижимой в ту страшную зиму, была достигнута.

Однако любая победа имеет свою цену, и однажды эту цену приходится платить.

Ценой победы над южными захватчиками, ценой выживания королевства оказалась навсегда разрушенная дружба между благородными домами Эрдеров и Айтвернов. Приняв титул своего отца, герцог Элтон Эрдер хорошо запомнил, чей меч лишил его отца жизни, и передал эту память своему наследнику. Два самых знатных рода королевства не враждовали открыто, но и прежней теплоты между ними уже не было. Пока лорды Запада сидели по правую руку от королей и пребывали в зените славы, лорды Севера наблюдали за ними со стороны.

В стране царил мир, но не для всех этот мир был добрым.

Минуло сто лет, и миру пришел конец.

Глава 1

Незапланированная прогулка

Выдалось ясное апрельское утро, погожее и беззаботное. Солнце уже поднялось из-за поросших душистыми травами восточных равнин, осветив бескрайнее синее небо. Стольный город Тимлейн купался в свете разгорающегося дня, и свет этот, казалось, проникал повсюду. Он окружал сверкающим ореолом высокие башни и стены, ложился золотыми отблесками на ровную гладь рассекавшей город реки.

Повсюду в Тимлейне царило приподнятое оживление. Начинаясь на бойких купеческих рядах на южной окраине города, там, где толклись в суматохе тысячи людей и выставлялись на продажу привезенные из далеких земель товары, оно охватывало всю столицу, пока не разбивалось об исполинские укрепления королевской цитадели.

Город радовался весне. Ледяная зима, принесенная стылыми ветрами из-за Каскадных гор, сгинула наконец без следа. Прошедшая зима оказалась скупа на снегопады, но морозы держались такие, что иные птицы падали на лету, не в силах шевельнуть заледеневшими крыльями, а капли вина из фляжки норовили застыть на губах инеем. Старики по деревням болтали, что подобных холодов не случалось уже лет сто, с самых что ни на есть стародавних времен, и, дескать, это Повелитель Бурь в своем ледяном дворце подстегивает зиму стальными бичами, гоня ее на юг.

Так или иначе зима закончилась. На смену ломким, жестким травам пришла пробившаяся из земли изумрудная поросль, тянущаяся к ласковому небу. Молодая листва украсила деревья. Даже воздух казался особенно сладким и свежим – вдыхать его было все равно что пить чарку доброго вина. Повсюду разносилось пение вернувшихся с юга птиц, заполнившее тянущиеся через весь

город тенистые парки. Сады, окружавшие аббатства святого Арлана и святого Берда, утопали в цветах. Набережные реки Нейры были заполнены прогуливающимися горожанами, впереди которых неслись музыка и беззаботный смех. В протянувшихся по левому берегу ремесленных кварталах вовсю кипела оживившаяся работа. Роскошные особняки в аристократических районах распахнули свои ворота для пышных приемов и балов, а купечество подсчитывало грядущие в нынешнем году прибыли, обещающие стать немалыми. На площади Рассвета и на расходящихся стрелами во все стороны от Янтарного Кольца проспектах каждый вечер устраивались гулянья и празднества, многолюдные и шумные, разогретые людским весельем и хмельным элем. В старинном городе, чьи мостовые отсчитали уже много сотен лет, отпечатавшихся по камням конским цокотом, выдалось веселое время. Трактиры полнились оживленным людом, в предместьях развернулись ярмарки, торгующие диковинками из далеких стран.

То было хорошее и светлое время. Время, когда жизнь кипит вокруг тебя, рассыпаясь искрами, когда жизнь окружает тебя на каждом шагу, звеня золотыми монетами. Время, когда ты вдыхаешь жизнь полной грудью и чувствуешь ее кожей.

Настала пора приглядеться к этому времени повнимательней. Мы показали вам место действия нашей истории – королевство, сотню лет назад едва избежавшее гибели, а сейчас наслаждающееся сладкими мгновениями покоя. Это королевство даже и не подозревало пока, какая участь ему уготована и как скоро этот покой будет разрушен. Мы показали вам трудные решения былых лет, давшие первый толчок событиям, что вскоре начнутся. Но у каждой сказки есть свой герой, и пришел час представить его вам – таким, каким он был в то ясное весеннее утро.

Посмотрите же на него утром дня, навсегда перевернувшего его жизнь.

Героя нашего рассказа звали Артур (имя столь древнее, что уже и память о первом его носителе почти стерлась в легендах былого), и он был сыном и наследником лорда Раймонда, нынешнего герцога Айтверна. Отец Артура приходился правнуком Радлеру Айтверну, тому самому, что стал невольной причиной гибели Камбера Эрдера, а после сделался правой рукой Короля Чародея. Но уже почти восемь десятков лет миновало со дня смерти Короля Чародея, и в дни, описанные в нашей повести, на иберленском троне сидел его потомок, король Брайан. Король этот не владел и крупицей магических умений

и, в противовес своим властным и суровым предкам, был миролюбив и мягок. Править он предпочитал, опираясь на советников, первым из которых и был теперешний глава семьи Айтвернов.

Поговаривали, что лорд Раймонд Айтверн является ныне подлинным правителем государства, разве что не сидит на троне и не носит монаршего венца. Один из первых мечей Иберлена и негласный глава Коронного Совета, он слыл человеком гордым и непреклонным, и мало что в стране решалось без его согласия. Нося звание лорда Верховного констебля, он командовал всей королевской армией. Что до сына его, Артура… Артур, казалось, во всем был вылеплен из иного теста, нежели его выдающийся отец.

Это был молодой человек двадцати лет от роду, беспокойного нрава и со смутными планами на будущее. Хотя положение его семьи предписывало ему со всем вниманием относиться к государственным заботам, дабы однажды самому сделаться продолжателем дел отца, – пока Артур всеми силами старался избежать той ответственности, которую налагала на него роль наследника герцогской семьи. Бо?льшую часть своего времени он предпочитал проводить за пределами родительского особняка – в кабаках, харчевнях, а порой и в домах терпимости. Вместе с несколькими приятелями, такими же, как и он, отпрысками благородных родов, юный Артур предавался кутежам и гулянкам. Дворцовым вальсам он предпочитал развеселые крестьянские танцы, а дорогому вину – пенистое пиво.

От предков он унаследовал фамильную внешность – светлые волосы, тонкую светлую кожу, прозрачные зеленые глаза. Будучи роста лишь немногим выше, чем средний, Артур достаточно хорошо управлялся с мечом и со шпагой и был также неплохим наездником. Он пользовался успехом у девушек, однако до сих пор не назвал имени своей невесты, прекрасно понимая притом, какой выгодной партией является, будучи наследником великого дома. Жизнь казалась молодому человеку слишком хорошей штукой, чтобы портить ее лишними обязательствами. Исполнить свой долг перед родом он еще успеет, говорил себе Артур, а пока какой смысл думать о подобных вещах? Вот и сейчас юный Айтверн возвращался домой с затянувшейся на всю ночь попойки.

Когда он подъехал к семейной резиденции, стражники распахнули ворота. Юноша влетел во двор и осадил покрытого пеной белого жеребца. Тот разразился заливистым ржанием, напоследок встал на дыбы, полосуя воздух ударами копыт, и лишь затем опустил их на не успевшую еще нагреться

брусчатку.

– Ну спокойно, дорогой, – сказал Артур коню. – Ты, похоже, радуешься этим камням даже больше, чем я. О, небеса, меня уже собрались здесь встречать!

И в самом деле через весь двор, выйдя из дверей герцогского дворца и спустившись по мраморной лестнице, к нему уже спешил Гейрт Мердок, старик, служивший в их семье мажордомом. То был невысокий сухопарый человек, в пышном зеленом костюме и с копной седых волос, опиравшийся на дубовую трость.

– Милорд! – воскликнул он при виде Артура. – Вас не было больше суток. Простите, но я начал думать, что вы и не вернетесь вовсе.

– Ну, не вернуться вовсе я бы не смог, – ответил Артур, спешиваясь. – Чтобы не вернуться, мне пришлось бы с концами сбежать из родительского дома, а я пока к таким подвигам не готов. Здесь слишком мягкая постель и слишком красивые служанки. Мастер Мердок, давайте вы просто больше не будете обо мне беспокоиться, хорошо?

– Не так это и просто – не беспокоиться о вас, – поджал губы Мердок. – Будете в моих годах – и сами станете беспокоиться о любом пустяке.

– Ну простите, старина, но вы преувеличиваете, – сказал Артур. – Я себя и свою натуру знаю неплохо, как-никак уже двадцать зим на свете прожил. Вот чего со мной никогда не случится – так это того, чтобы я стал беспокоиться о пустяках. Мой отец дома, к слову сказать?

– Нет, герцог приезжал вскоре после полуночи, сразу лег спать, а на рассвете отправился обратно во дворец, – сказал мажордом. – Я не хочу показаться читающим вам нотации, молодой господин, однако однажды и вам придется вести подобную жизнь.

– Я никогда не буду вести такую жизнь, как мой отец, – ответил Артур рассеянно, расчесывая попутно коню, жеребцу дарнейской породы по кличке Вихрь, роскошную белую гриву. – В этом я вам могу хоть на Писании поклясться… Вы меня простите, мастер Мердок, но батюшка придает государственным заботам слишком много внимания. Наша страна не

рассыплется на куски, если один из лордов станет чуть меньше думать об ее благе. Когда я стану герцогом… надеюсь, это не скоро еще случится… так вот, когда я стану герцогом, я и не подумаю быть таким, как отец.

– Вы молоды, Артур, – сказал мажордом очень серьезно, – и даже не представляете, что тот долг, который мы на себе носим, зачастую не нами самими на себя взвален.

Юноша посмотрел на него в упор.

– Может быть, – сказал он. – Но я постараюсь бегать от чужих долгов так долго, как только смогу.

Мердок лишь покачал головой и ничего не ответил ему. Видно было, впрочем, что он недоволен. Откуда-то высунулась пара грумов, вознамерившихся отвести Вихря на конюшню. Как будто не привыкли, что Артур всегда делал это сам, не прибегая ни к чьим услугам.

– Я сам, – в который раз сказал им юноша, беря дарнейца за поводья. Тот на мгновение уткнулся носом ему в плечо.

На конюшне, как всегда, было тепло и сухо, по стенам бодро трещали факелы. Айтверн завел жеребца в стойло, снял с него сбрую. Лошади любили его, сколько он себя помнил. Первый раз юноша залез в седло, едва научившись ходить. Слуги смеялись, что он больше похож на астарийского всадника, из тех, что всю жизнь проводят в седле, а вовсе не на иберленского аристократа. Может быть, все дело было в его родословной. Ведь фэйри всегда ладили с животными и ездили обычно на неоседланных конях, а герцоги Запада происходили от истинных, высоких фэйри, в незапамятные годы владевших землей. От последних на свете драконов, что пришли некогда к эльфам, сотворили себе тела, подобные их телам, и стали обучать сидов тайнам древнего колдовства. Когда человеческий род, тесня эльфийский, утвердился на этих землях, предки Айтвернов примкнули к нему. Тогда они лишились бессмертия и утратили способность принимать обратно драконий облик, став почти во всем людьми. От драконов к эльфам, от эльфов к людям – такова была легендарная история его дома, хотя Артур и не знал, правдива ли она.

Юноша принялся чистить коня. Он никогда не чурался этой обязанности. Единственная грязь, которой стоит опасаться, – это пятна на чести, но никак не пятна на одежде. Потомок многих поколений верно служивших королю рыцарей, сам уже два года как удостоенный титула «сэр» и полагающихся по такому случаю серебряных шпор, Артур Айтверн твердо знал, что ни при каких обстоятельствах не уронит своего доброго имени.

Собственное будущее виделось ему исключительно в радужных тонах. Отец еще далек от старости, более того, пребывает в самом расцвете сил, а значит, пройдет немало лет, прежде чем Артуру придется занять его место, унаследовав герцогский титул и все, к нему прилагающееся. А до тех пор можно смело радоваться жизни. Пока что молодой Айтверн, пройдя службу у одного из могущественнейших иберленских вельмож, отточившую его воинское искусство, предавался размеренной столичной жизни, но знал, что бесконечно она не продлится. Скоро обязательно грянет война – на границах давно уже было неспокойно. Артур думал еще какое-то время посидеть дома, может быть, полгода или год, чтобы этой войны дождаться. Соседи уже давно ходили набегами на окраины Иберлена, и скоро, видимо, дойдет до больших сражений. Но пока до них дело не доходило, а сидеть в какой-нибудь пограничной крепости в ожидании стычки, которая невесть когда еще случится, Артуру не хотелось. Он на эти стычки насмотрелся, еще когда ходил в оруженосцах у герцога Тарвела.

Напоследок вновь расчесав дарнейцу гриву, Айтверн поднялся в дом. Вокруг уже вовсю кипела дневная суматоха, туда и сюда сновали направлявшиеся по делам слуги. Прошмыгнув в свои покои, Артур наскоро воспользовался ванной комнатой. Он умылся водой, текущей из крана, лезвием сбрил с лица трехдневную щетину, изучая отражение в зеркале. Затем наследник драконьих герцогов натянул свежую одежду. Изумрудно-зеленый с золотым шитьем камзол пах почему-то полевыми цветами – а может, ему так просто показалось от бессонницы. Спать не хотелось, хоть убей. Хотелось плясать и веселиться, отсюда и до самого Судного дня.

Айтверн поднял с подушки старинный роман в тяжелой обложке, до сих пор им недочитанный. Рассеянно перелистнул пару-тройку страниц, почти не задерживаясь на строчках взглядом, и, положив книгу на место, рванул обратно в коридор. На выходе он едва не столкнулся с молодой служанкой, идущей на кухню из столовой с подносом посуды в руках, поспешно извинился перед ней и припустил дальше.

Он собирался навестить Айну, свою шестнадцатилетнюю сестру.

Когда Айтверн оказался в восточном крыле, его бег чуть замедлился, а на подходе к учебной комнате он и вовсе перешел на шаг. Массивная дубовая дверь была распахнута, из комнаты доносились голоса. Артур с ногами забрался на широкий, озаряемый солнцем подоконник и принялся слушать.

– …Едва не привело королевство к гибели. Если бы не магия его величества Бердарета Первого и не единодушие высоких лордов, сплотившихся вокруг его знамени, стране наступил бы конец. Тарагон превратил бы наше государство в жалкую, разграбленную провинцию, задушенную податями и поставляющую солдатню на убой в ряды имперских легионов. Только не имевшее примеров в истории взаимодействие знати и древнего волшебства спасло наших предков от порабощения. В битве на Борветонских полях его величество обрушил на врагов свою Силу, и те были сметены и растоптаны. – Голос был старческим, хорошо поставленным, выдавал опытного лектора, привыкшего владеть вниманием слушателей. Мэтра Гренхерна выписал из Тимлейнской Академии высоких наук герцог Айтверн, чтобы тот прочел для его дочери курс лекций по поэтике, риторике, богословию, естествознанию и истории. Сегодняшнее занятие, по-видимому, касалось именно последней.

Сам Артур знал историю не слишком глубоко. То есть он помнил, порой даже наизусть, множество старинных баллад, в поэтической форме повествующих о славных деяниях былых дней, и прочел также уйму героических жест, посвященных поединкам на мечах, спасению принцесс из заколдованных замков и тому подобным вещам. Но, неплохо разбираясь во всем этом, Артур совершенно терялся, когда дело касалось более серьезных повествовательных хроник, или толкования древних законов, или дат рождения и смерти былых королей. Да и потом, в легендах хотя бы было понятно, где добро и где зло, – а хроники казались то не совсем искренними, то откровенно пристрастными и путаными. Он не всегда понимал, можно ли им верить. С балладами все было как-то проще. Если их сочинители и врали в чем-то, то ради того, чтобы приукрасить действительность, а не выслуживаясь перед очередным государем.

– Значит, – второй голос, мелодичный и мягкий, принадлежал девушке юных лет, – первый Ретвальд был последним волшебником на земле? – Сестренка, она всегда любила слушать сказки про магию, еще когда старая Анна, кормилица, заменившая им мать, рассказывала эти сказки у огня в зимние вечера. Губы Артура сами собой сложились в любящую улыбку.

– Все имеющиеся у нас факты говорят, что да, – подтвердил мэтр. – Во всяком случае, с тех пор не было слышно ни о каких чудесах или деяниях, достойных именоваться волшебством. Даже сын и преемник монарха, Артебальд Ретвальд, никогда не выказывал признаков владения сверхъестественными силами. Одни полагают, что сын Бердарета не обладал магическим даром, другие – что Король Чародей попросту не захотел обучить наследника своему искусству, третьи склоняются к мнению, что Артебальд владел Силой, но скрывал это всю жизнь, не имея поводов и необходимости ее применять. Правды не знает никто, и уже никогда не узнает.

– Как жаль, – проронила Айна Айтверн.

– Жаль? – эхом откликнулся мэтр Гренхерн. – Юная леди сожалеет об исчезновении из нашего мира магии? Это можно объяснить тягой к небывалому, испытываемой молодостью. Но сам я всегда полагал, что вреда от волшебства было бы куда больше, чем пользы. Это очень опасная вещь – оружие, способное ставить города и народы на грань уничтожения. Вдвойне оно опасно, будучи отданным в руки не достойным и не мудрым, не сильным и не смелым, а совершенно случайным людям, не отличающимся от окружающей их толпы ничем, кроме врожденного дара, позволяющего творить заклятия. Война Пламени очень дорого обошлась Иберлену и всем Срединным королевствам – мы заплатили за нее огромную цену. Ни высокие лорды, ни даже короли не имели тогда никакой власти – вся земля была в руках чародеев, которые распоряжались ею по своему усмотрению. Когда умер последний из них, люди вздохнули с облегчением. Магия делает людей неравными, и хорошо, что Господь избавил нас от нее.

Артур едва сдержался, чтобы не фыркнуть. В его представлении, неравными людей делало множество вещей и помимо магии. Люди рождались дворянами или простолюдинами, будучи от природы слабыми или сильными, храбрыми или трусливыми, глупыми или умными, – и уже все это делало их совершенно разными по своей сути. Магия, существуй она и поныне, была бы просто еще одним свойством, различающим людей меж собою. Этот мэтр Гренхерн и в глаза не видел ни одного заклятия, а уже рассуждает об их вреде. Мало ли что рассказывают про ужасных древних волшебников – король Бердарет тоже был волшебником и никакой беды не сотворил. У страха глаза велики, особенно спустя столько веков.

Артуру никогда не нравились люди, предпочитающие рассуждения делу. Вот этот мэтр Гренхерн, к примеру, – что он видел на свете, помимо своих книг? Мало только говорить и думать, нужно еще делать что-то своими руками. По тем же самым причинам Артур не питал особенного почтения к королю Брайану. Прежние Ретвальды, и сам Бердарет, и его сын Артебальд, и внук Торвальд – все они были сильными людьми, державшими страну в железной узде. И если первый из них делал это, имея за спиной колдовскую силу, то двое последующих – одним лишь своим непреклонным словом. Может быть, именно поэтому Брайан Ретвальд, с малых лет росший в тени властного отца, оказался ни на что не годен. Правил он исключительно по указке своих советников.

Таким же, как гласила молва, был и его сын, наследный принц Гайвен Ретвальд. С ним Артур, впрочем, знаком почти не был – принц Гайвен почти все время пребывал в тиши своих покоев, проводя дни за чтением философских и научных трактатов. Уже это не внушало к нему доверия. Артур мечтал отправиться на войну, когда та начнется, и снискать там мечом себе славу, – но рыцаря в бой должен вести его государь. Артур не верил, что бледный принц, немощной тенью сидевший на званых приемах по правую руку от трона, на такое способен.

Тем временем разговор продолжался.

– Магия делает людей неравными? – будто во сне повторила дочь герцога Раймонда Айтверна, отвечая на слова своего наставника. – А разве среди людей вообще есть равенство? Ну вот… Давайте, скажем… Давайте рассмотрим простейший пример, – наконец решилась она. – Наше королевство. Ну… Или вообще любое королевство. Им правят знатные вельможи, а слово простого народа не значит ничего. Но кто дал право нам, лордам, решать за всех остальных? Какой-нибудь герцог… Или граф… Откуда взялась их власть? Лишь оттого, что они рождаются сыновьями другого герцога или графа. Но разве это не случайность? Разве одно неравенство отличается от другого?

Артур многое мог бы сказать на этот счет, но предпочел послушать, что скажет Гренхерн.

– Вы ошибаетесь, моя госпожа. – В голосе лектора меж тем послышалась улыбка. – Вам ведомо, что некогда, давным-давно, наш мир сокрушила Великая Тьма. То были ужасные дни – дни разрушения, дни забвения, дни скорби. Повелители прежних империй сошлись в битве и истребили друг друга. Силы, не поддающиеся человеческому пониманию, оказались высвобождены на свободу.

Все прежние великие города лежали в развалинах, стерты до фундаментов были крепости, а остатки человечества вымирали средь стужи и голода. Сгинули и закон, и порядок, предались забвению знания. Даже сейчас, спустя две тысячи лет, мы не умеем многого, доступного нашим предкам. Тогда, среди немногих выживших, нашлись смельчаки, что взяли оружие в руки – и стали защищать прочих людей от бандитов и убийц, бродивших повсюду. Эти люди вновь писали законы, восстанавливали разрушенные прежде связи, – и положили в итоге начало дворянскому сословию.

– Я понимаю, мэтр, – сказала Айна сдержанно. – Но все же герои тех лет были обычными людьми, правильно? Они могли родиться мастеровыми или фермерами, когда случилась та давняя катастрофа.

– Я считаю, – сказал Гренхерн мягко, – их избрало само небо. Избрало, чтобы спасти нас всех. Они заключили союз с фэйри – и подняли наш мир из праха. Тогда человечество и разделилось на защитивших его и оказавшихся под защитой. И нынешнее положение – естественное следствие того, давнего разделения. Мы, живущие сейчас, неотделимы от выбора, сделанного нашими далекими предками. Ибо они живут и в нас, и каждое принятое ими решение есть также и наше решение. О нет, родиться наследником графа ли, кровельщика ли – вовсе не случайность. Ибо каждый из нас в известном смысле и есть тот граф или тот кровельщик, что положил начало нашему роду. Это очевидно. Взгляните, к примеру, на своего отца, лорда Раймонда, и сравните его… скажем, с его прадедом, Золотым Герцогом Радлером. На фамильных портретах они неотличимы друг от друга, а любое деяние лорда Радлера, описанное в хрониках, вполне могло быть совершено вашим отцом. То же самое можно сказать и о ком угодно еще. Разве Джейкоб Эрдер не есть точная копия своего далекого предка, воспетого в песнях? Того, что был верен рыцарской чести настолько, что она привела его к безумию и смерти?

– Эрдеры ненавидят нас, – задумчиво сказала Айна. – Так говорят все. Ненавидят всегда в спину, и никогда – в лицо. Они так и не простили нам смерти лорда Камбера… На Зимнем Балу я встретила герцога Эрдера… Он раскланялся со мной и немного поговорил, очень учтиво. Даже потанцевал… Но я видела его глаза. Такие холодные… Господин наставник, они наши враги и всегда ими останутся.

Артур спрыгнул на пол и подошел к двери:

– Пустое, сестренка. Ты наслушалась сплетен.

Айна Айтверн, сидевшая на скамье перед столом наставника, спиной к коридору, резко развернулась и вскочила на ноги. Ее волосы цвета свежего меда разлетелись по плечам.

– Артур! Вот так сюрприз! Рада тебя видеть. Но ты пришел сюда незваным, – добавила она немного строго.

– Я всегда прихожу незваным, – признался молодой человек, крепко обнимая сестру и проводя губами по ее щеке. – В уплату за то, что не появляюсь вовсе, если позвать.

– Честности у тебя не отнимешь, – засмеялась Айна, ускользая из его рук и делая шаг назад. – Отец очень беспокоился, – сказала она тихо.

– Совершенно зря, – беспечно махнул рукой Артур. – Что со мной может случиться, если я лишний раз не переночую дома? Бессонница? Так это даже к добру. Излишний сон расслабляет, отупляет и лишает сил.

– Отцу это рассказывай, не мне, – отрезала девушка, бросив быстрый взгляд в сторону мэтра Гренхерна. Мэтр Гренхерн, седобородый старец в черном дублете и с тремя серебряными цепями на груди, символом магистерского достоинства, как раз поднялся из позолоченного кресла и попытался исполнить придворный поклон:

– Милорд, для меня большая честь видеть вас.

– Кажется, вы единственный человек в этом городе, который считает мое общество честью. Я вижу, вы вплотную занялись обучением моей любезной сестры. Предаетесь воспоминаниям о днях давно минувших и обсуждаете ныне здравствующие благородные фамилии. Когда я вас прервал, речь шла о владыках Севера, не так ли?

Между бровями Айны пролегла тонкая морщина:

– Я даже рада, что тебе хватило наглости подслушивать наш разговор. Если кто и умеет развеивать мои страхи, так это ты. Я в самом деле боюсь Джейкоба Эрдера. Если бы ты тогда смотрел ему в глаза, ты бы меня понял.

– Дорогая сестра, – сказал Артур серьезно, – прости меня за такую откровенность, но сейчас ты боишься совершенно попусту. Джейкоб Эрдер, конечно, держится с добродушием кладбищенского сторожа, завидевшего осквернителей могил, но я не думаю, что он кому-то из нас может быть опасен. Отец ему верит. Ну, может, и не верит. Но не боится, это уж точно.

– Зато я боюсь. Мы только на этом занятии проходили с мэтром, – еще один взгляд в сторону терпеливо слушающего их разговор Гренхерна, – про то, как тарагонцы вторглись в нашу страну. Тогдашний герцог Эрдер, лорд Камбер, не хотел пускать Бердарета Ретвальда на трон. Они с лордом Радлером сошлись в поединке, и лорд Радлер убил лорда Камбера. Эрдеры не простили нам этого. Они не объявляли нам кровной мести, но никогда больше не были нам друзьями.

– Это было сотню лет назад, Айна, – терпеливо сказал Артур. – Понимаешь? Сотню лет назад. Все люди, что тогда жили, давно мертвы. Никому… ни одному человеку… нет дела до того, что тогда произошло. Ни один человек не станет плести козни сейчас только потому, что сто лет назад кто-то кого-то убил. Будь это не так – Эрдеры раньше о себе заявили бы. Подослали к нам убийц или подняли мятеж, или что-то еще в таком роде. Но они молчат, и знаешь почему? Потому что это уже никого не волнует, и их самих в первую очередь.

– Хотела бы я тебе верить, – поджала губы сестра.

– Так верь. Я говорю правду, отчего мне не верить. Собственно, раз уж ты сейчас пребываешь во власти тревог, предложение, с которым я явился к тебе, должно оказаться как нельзя кстати и развеять твою тоску. Айна, пошли гулять.

Сестра смешалась:

– Предложение хорошее, спору нет, но ты не заметил, что я немного занята? Я бы охотно прогулялась с тобой в другой раз, но сейчас…

– Ах, бросьте, сударыня. У вас еще будет множество дней, чтобы посвятить их учебе, но отправиться со мной на сегодняшнюю прогулку вы сможете только

сегодня. Погода прекрасна, воздух – свеж, а наш бедный город так и полнится очарованием весны. Не заставляйте меня вкушать это очарование в одиночестве, без вашего прелестного общества.

Прежде чем Айна успела ответить, в разговор вмешался мэтр Гренхерн. По нему было видно, что теперь уж он точно недоволен, и будь на то его воля, выставил бы герцогского сына за дверь.

– Простите, но у меня с дочерью лорда Раймонда еще не закончилось занятие, и не закончится оно еще, самое малое, три часа. Не могли бы вы сейчас нас покинуть?

– Простите, мэтр, но покину я вас только в обществе леди Айны, и покину немедленно, а не по прошествии трех часов. Примите это, пожалуйста, как неизбежность, с которой вы ничего не можете поделать. – Тон, с которым Артур произнес эти слова, не предполагал возражений.

Гренхерн и не стал возражать – ссориться с сыном королевского констебля и своего нанимателя, как бы нахально тот сын себя ни вел, было ему не с руки. Поэтому лектору ничего не оставалось, кроме как сдержанно поклониться и пожелать благородным господам хорошей прогулки. Однако стоило только детям лорда Раймонда отойти на достаточное расстояние от учебной комнаты, Айна остановилась прямо посреди коридора и дернула Артура за рукав:

– Что ты творишь?! Ты дерзил моему наставнику. Думаешь, тебе все позволено?!

– Ну прости меня, пожалуйста. – Артур развел руками и с виноватым видом потупился. – Твой наставник никак не желал тебя со мной отпускать, а я толком не видел тебя несколько дней, ужасно соскучился, и… И сегодня правда чудесный день! Ты только выйди на улицу, и сама все поймешь. Я был бы последним подлецом, позволив тебе киснуть за уроками. – Он чуть замялся. – Я честно очень скучаю.

Айна Айтверн улыбнулась:

– По крайней мере, извиняться ты умеешь. Я и сама скучала по тебе, пока ты шлялся по своим кабакам. И была бы счастлива провести день со своим любимым братом. Можете считать, сэр Артур, что вы прощены. – Она сделала реверанс и

протянула юноше ладонь.

Он с готовностью ее принял и просиял.

– Тогда пойдемте, дорогая леди! Нас ждет целый мир.

На этом месте читателю нашей книги, возможно, захочется удивленно воскликнуть – да как же так?! Мы начали рассказ с великих мужей, которые принимали великие решения, затрагивающие судьбу целого государства. А теперь почему-то ставим в фокус нашего повествования безрассудного юнца, непочтительного к старшим, живущего ветрено и беспечно и мечтающего лишь о подвигах на поле брани – да и то мечтающего об этих подвигах абстрактно, в каком-то отдаленном будущем. Этот молодой человек по имени Артур, происходящий в четвертом поколении от лорда Радлера Айтверна, на первый взгляд может показаться более чем недостойным потомком своего великого предка. Как может, спросите вы, этот несносный мальчишка сыграть свою роль в той грандиозной драме, что вот-вот грянет среди обветшалых декораций Иберленского королевства?

Однако именно у таких мальчишек и выходит, когда небо оказывается к ним благосклонно, спутать все планы великих мужей, поступить наперекор всем великим решениям, принятым мудрецами и властителями. В совершенно другое время, под старыми созвездиями, имена которых уже четыре тысячи лет забыты, некий молодой человек (носивший то же самое имя, что и наш герой) вытащил из холодного камня невесть кем забытый там меч – и сделал первый шаг на пути в вечность. Еще один юноша, сын владетеля маленькой горной страны, наслушался речей своего учителя, мечтавшего об объединенном мире, лишенном границ между народами и языками, – и выступил однажды с армией в поход, чтобы осуществить эту мечту. И дошел до самых дальних границ известного мира, покорив на своем пути страны, чья история насчитывала тысячи лет. Этот юноша умер через десять лет от подхваченной в жарких болотах далекого юга лихорадки, не проиграв ни одного сражения и будучи признанным королем ойкумены.

Любой здравомыслящий человек, услышав такие истории, заявил бы, что они невозможны, – но порой и невозможное случается на белом свете. Именно тем, кто молод и беспечен, выпадает порой счастливый случай перевернуть историю

вверх дном.

Так, во всяком случае, произошло и на сей раз.

Дети герцога Айтверна сидели на кромке фонтана Леди Сейлан, и хрустально-льдистые капли воды оседали на их лицах тонкой прозрачной вуалью. День уже взобрался к полудню, как поднявшийся на перевал путник, и древние камни дышали собранным ими теплом. Мимо сновали спешащие по своим делам люди. Мелькали расшитые золотыми нитями кафтаны купеческих приказчиков, что-то зазывно кричали торговцы, выставившие на продажу испускающую соблазнительные ароматы снедь. Высоко в чистом небе, блистая белым оперением, парил сокол.

Будь дома отец, он бы вряд ли отпустил дочь гулять без охраны, пусть даже и под присмотром ее брата. Но герцога Айтверна дома не было. Стражники, видя, что его наследник не стал брать эскорта, нахмурились, но не посмели спорить. День выдался хороший, и Артур не хотел поддаваться пустым тревогам, шарахаясь от собственной тени. Тимлейн – безопасный город, хвала лорду-мэру и его молодцам. К тому же таскать за собой докучливую свиту юноша не любил.

– Нельзя столько времени проводить за чтением. – Артур рассеянно теребил в пальцах сидящую под горлом застежку плаща. Со стороны, наверно, казалось, что он страдает от удушья.

– Предпочтешь, чтобы я проводила столько же времени за выпивкой? – отпарировала Айна. Смертельный выпад, и прямо в сердце.

– Ты меня уела, сестричка, – беспечно махнул рукой юноша. – Если ты будешь пить хотя бы вполовину так много и так усердно, как твой беспутный брат, это создаст тебе дурную репутацию. А дурная репутация отпугивает кавалеров.

Айна фыркнула:

– Ну тогда давай прямо сейчас отправимся за вином.

В ответ Артур только усмехнулся. Да уж, подумал он, сестренке самое время задуматься о кавалерах. Возраст, в который она вступает, к тому подходящий.

Девушка прижала колени к груди, обхватив их руками. В свои шестнадцать лет Айна Айтверн была дивно хороша и собирала вокруг себя восхищенные взгляды. Густые светлые волосы, поймавшие в своих нитях драконье золото, прозрачная зелень огромных глаз, изящные черты лица, точеная фигура.

Отец пока ни единым словом не обмолвился об ее возможном замужестве. Артур надеялся, что лорд Раймонд позволит своей дочери самой выбирать, какого жениха ей предпочесть, – и одновременно боялся, что эти надежды беспочвенны, и что отец уже решил за Айну, с кем она пойдет под венец, просто пока не говорит об этом вслух. Он легко мог бы выдать ее замуж за наследника трона, к примеру, или за какого-нибудь чужеземного лорда. Айна была достойна лучшего из лучших – и если ее будущий супруг хоть в чем-то обидит ее, ему крепко не поздоровится. За родную сестру и ее благополучие Артур был готов драться, не щадя никого.

– Артур, – вырвал юношу из размышлений резко посерьезневший голос Айны. – Тот человек… Не нравится мне он.

– Который? – Айтверн окинул толпу непонимающим взглядом.

– Вон тот… – перешла сестра на шепот, – рядом со входом в обувную мастерскую… слева от крыльца.

Ага, вот она о ком… Какой-то молодой парень, черт лица отсюда толком не разглядеть, в темной, совсем небогатой на вид одежде. Если и горожанин, не из зажиточных, а скорее и вовсе приехавший в столицу крестьянин. Оружия вроде не видно, впрочем, попробуй его отсюда различи. Человек как человек… Чего Айна на него взъелась?

– Не вижу у него черных крыльев и не чую запаха серы.

– Арчи… Я уже видела его сегодня… Трижды. В парке, когда мы катались верхом. В Оружейном Ряду. И потом на Кольце. Мне кажется, он за нами следит. Все время смотрит.

– Возможно, ты ему приглянулась.

– Да ну, брось ты! Мне не по себе… Он явно замышляет что-то недоброе.

– Думаешь? – Айтверн скептически поднял бровь. – По его виду худшее, на что этот парень способен, – кража чьих-нибудь сапог. Впрочем, сейчас проверим. – Юноша соскочил на землю и двинулся через толпу.

– Ты куда?!

– Как куда? Проверять, насколько опасен этот бедняга. И спасать от незавидной участи чьи-то сапоги. Оставайся на месте, – бросил он через плечо.

Вокруг сновали люди. Рядом выступала цирковая труппа, загорелая девушка в коротком алом платье жонглировала в воздухе шестью кинжалами, на извилистых лезвиях которых пылали отблески танцующего в жаровне огня. Приходилось пробираться сквозь собравшихся зевак, что оказалось не так уж и легко. Кажется, человек в темном плаще все-таки заметил спешащего к нему юношу, поскольку направился к петляющему между домами длинному переулку.

– Эй, добрый сэр! Постойте! – бросил вдогонку Айтверн, и на крик юноши обернулось сразу несколько прохожих. – Эй, вы… Человек, отошедший от двери сапожника! Есть о чем поговорить!

Незнакомец вздрогнул, но не обернулся, а вместо этого предпочел исчезнуть в проеме между обувной лавкой и пекарней. Однако… Это уже интересно.

– Погоди! – Айна. Догнала все-таки.

– Я же попросил остаться… Похоже, твоего ухажера не прельщает мое общество. Странно, неужели я столь грозен с виду… Знаешь, похоже, его и впрямь стоит расспросить. Раз уж увязалась, пошли вместе – глядишь, не успеет смыться.

Девушка молча кивнула.

Когда они заглянули в переулок, незнакомца уже и след простыл. Завернул за поворот? Странно, дорога прямая, как стрела, и между следующими друг за другом домами – глухие стены. Никак не свернешь. Разве что тот тип перелез через какую-нибудь из стен или во двор шмыгнул. Кто его разберет… В здешних лабиринтах даже элефант потеряется. Тем не менее Артур и Айна переглянулись и двинулись вперед. Так, на всякий случай. Улочка уводила прочь от площади Леди Сейлан, в самую глубину Квартала Закрытых Дверей, вполне оправдывавшего свое поэтическое название. Большую его часть занимали старые мастерские, снимаемые под всякий хлам просторные склады и порядком обветшавшие дома, где доживали свой век их обедневшие владельцы. Ворье сюда совалось редко – нечем им тут было поживиться, – но и состоятельные люди тоже старались лишний раз не заглядывать. Тихие, умиротворенные, никому не нужные задворки. Спокойней, чем здесь, разве что на кладбище.

Айтверны прошагали по усыпанной битым щебнем дорожке уже минут десять, окончательно удалившись от людных кварталов, прежде чем Артур решил, что пора и честь знать. Преследовать невесть кого и невесть зачем – это, конечно, хорошо, но хорошего понемножку. Кем бы ни был тот странный незнакомец, он уже давно скрылся, и весь проделанный путь оказался зря. Юноша уже собирался сказать об этом сестре и предложить возвращаться, когда за спиной послышался скрип отворяемой двери.

– Господа! – Здешнее сонное царство прорезал высокий, слегка издевательский голос. – Вы, часом, не потерялись?

Артур рывком обернулся. Из дверей стоявших друг напротив друга домов высунулись шестеро вооруженных людей, перегородив Айтвернам обратную дорогу. Удобная облегающая одежда, черные шелковые маски на лицах, с прорезями для глаз и рта, обнаженные мечи в руках. Больше всего они походили на уличных разбойников – кем, скорее всего, и являлись. Артуру захотелось обругать себя последними словами – чем надо было думать, чтобы угодить в западню?

– Об заклад побьюсь со своими ребятами, – сказал один из бандитов, видимо, их предводитель, – вы, господа хорошие, точно заблудились.

– Уверяю вас, милостивый государь, – протянул Айтверн, стараясь подражать отцовским меланхоличным интонациям и сохранить максимально спокойный вид, – не стоит так беспокоиться на наш счет. Никуда мы не заблудились,

а просто прогуливаемся.

Самым главным сейчас было не показать никому своей неуверенности. Айтверн прекрасно понимал, что попал в ту еще переделку. Конечно, боевой опыт у него был, пусть и небольшой, – но против шести противников он прежде никогда не дрался. А если эти люди так просто не отцепятся, драться придется.

– Раз уж вы прогуливаетесь, тогда, может, с нами пройдетесь? – нагло спросил все тот же тип. Он стоял чуть позади остальных.

Юноша вежливо покачал головой:

– Боюсь, при всем почтении, это не входит в наши планы, благородные сэры. Не хочу показаться неучтивым, но мы продолжим дорогу в одиночестве, без вашей компании. Желаю приятного дня.

Разбойники чуть сдвинулись промеж собой.

– Знаешь, мы тут церемониться не намерены, – сообщил заводила. – Лучше тебе не рыпаться и идти с нами.

– А по-моему, лучше вам не нарываться, благородные сэры, – сказал Артур ровно, глядя врагу в глаза. – Просто уйдите с нашего пути, по-хорошему.

– Да? А иначе что? Порежешь нас на куски? Напугал, мальчишка.

Артур Айтверн медленно, очень медленно обнажил свою шпагу – длинную, хорошо сбалансированную, с острым клинком. Конечно, против полудюжины хорошо вооруженных мужчин лучше всего сгодился бы тяжелый двуручный топор, но топоров Айтверн на прогулки не носил. Держа оружие перед собой, он шагнул вперед и вбок, загораживая Айну. Сестра по-прежнему молчала, не говоря ни слова, только часто и прерывисто дышала.

– Тот, кто сделает еще хотя бы один шаг, – очень спокойно сказал Артур, – умрет.

Один из бандитов, то ли самый тупой, то ли самый нетерпеливый, предупреждению не внял и двинулся вперед. Ну что ж, приятель, ты сам напросился. Айтверн быстро шагнул ему навстречу и сделал выпад в горло – уверенно и ловко, совсем как на бесчисленных разминках в тренировочном зале. Разбойник даже не успел парировать, ему на грудь широкой рекой брызнула алая кровь. Артур высвободил оружие и тут же отступил. Убитый в одну секунду враг рухнул к его ногам.

Сестра тихонько вскрикнула у Артура за спиной, зато сгрудившиеся впереди разбойники при виде смерти своего товарища даже не шелохнулись. А их хорошо вышколили, поганцев.

– Ну и как, – спросил Айтверн, – будут еще желающие поскорее отдать богу душу?

– Взять их и разоружить! – бросил главарь. – Но только живыми!

Четверо его подельников не замедлили последовать отданному приказу. Правда, не сказать чтобы с энтузиазмом.

– Айна, беги! – заорал Артур, прежде чем вражеский предводитель успел договорить. Главное сейчас было, чтобы сестренка успела спастись. Следовало выгадать для нее время. Для этого придется задержать подонков. Отвлечь их на себя.

За спиной юноши раздался топот, но Айтверн не стал оборачиваться. Вместо этого он дернул пальцами левой руки давешнюю застежку и вырвал ее с мясом. Сорвал плащ с плеч и двумя взмахами намотал на кулак. Если он и жалел о чем в этот момент, то о том, что не взял с собой ни одного кинжала.

Сын лорда Раймонда отступил, ускользая от пронзивших воздух клинков. Ему было безумно интересно, как именно эта мелкая шваль вознамерилась его разоружать. Ловчей сети, по крайней мере, у них на виду не было, и уже это было хорошо.

Артур взмахнул плащом, и меч одного из врагов, того, что оказался ближе всех, запутался в нем. Юноша пнул незадачливого бандита ногой в пах, отошел назад, выпуская плащ, крутанулся и сделал выпад, поразив еще одного противника в

ногу повыше колена. Тот пошатнулся, попробовал провести атаку, но Айтверн уже вновь отступил, утек в сторону. Все, что требовалось от него сейчас, – не подпускать их к себе всех сразу, не останавливаться и не давать им прошмыгнуть мимо. Сестренка должна успеть уйти подальше.

Еще один вражеский удар – плоскостью меча, не лезвием и не кончиком, в расчете на оглушение. Убивать его, видимо, и в самом деле не хотели. Артур легко парировал.

Приемы у его врагов были до смешного простыми. Впрочем, ничего другого от уличного отребья ожидать и не следовало. Айтверна смутило лишь то, что для уличного отребья эти люди действовали слишком слаженно и слишком уверенно. Он вновь закрылся, провел финт, атаковал – ровно в сердце, сразу и насмерть. Один из нападавших был готов. Ну что ж, они еще пожалеют, что преградили ему дорогу.

Артур уже готов был испытать нечто похожее на торжество, когда далеко за его спиной раздался истошный девичий крик:

– Спасите!

Услышав этот крик, Айтверн едва не заорал сам. Он едва не взвыл во весь голос, яростно, как загнанный зверь. Похоже, разбойники перекрыли улицу с обеих сторон, – а он даже не предусмотрел такой возможности.

Артур не бросился в направлении, из которого кричала сестра, лишь потому, что иначе три меча разом пронзили бы его спину. Три – ибо главарь банды так и не вступил в бой. Глотая ругательства, Айтверн попятился, на секунду замер, балансируя на каблуках и вылавливая удачный момент, а затем сам ринулся в атаку, распластавшись в глубоком проникающем выпаде. Шпага столкнулась с длинным, слегка изогнутым палашом и отшвырнула его в сторону. Клинок вошел в чужую грудь, как нож входит в пуховую перину. Только ни одна на свете пуховая перина не истекает после этого кровью.

– На помощь! – Сестренка захлебывалась все отдалявшимся воплем – похоже, ее схватили и уносят. Забыв о всякой осторожности и поражаясь захлестнувшей его ярости, Артур проткнул насквозь очередного противника и закрылся его телом от нападения следующего. А Айна все кричала и кричала, но ее голос уже

начинал затихать. Неужели во всем этом квартале, во всем этом бесчисленном множестве домов нет ни одной живой души? Нет никого, кто услышал бы шум и пришел на помощь невинной девушке? Совсем-совсем никого?!

Айтверн схватил умиравшего у него на руках негодяя за плечо и, с легким усилием, высвободил из его тела клинок. Швырнул труп прямиком на последнего из нападавших. Тот весьма ловко увернулся – как раз чтобы встретиться с выставленной ему навстречу острой сталью.

– А ты хорош, парень. Может, даже слишком хорош. – Главный бандит, все это время без движения наблюдавший за происходившей схваткой, наконец перестал изображать изваяние. Он взмахнул мечом, поймав на лезвие солнечный блик. Улыбнулся. Очень скверно улыбнулся. – Знаешь, ты ведь моих ребят положил. Хорошие ребята, вместе со мной живот рвали. А ты их убил. Я таких шуток никому не прощу.

Юноша не ответил. Он не видел никакого смысла в разговорах с будущим мертвецом. Айтверн сделал выпад – как ему хотелось надеяться, быстрый и точный. Главарь мгновенно закрылся, лишь легонько повернув кисть, и тут же атаковал сам. Артур отступил на три шага, едва успевая блокировать посыпавшиеся на него сумасшедшей мельницей удары. В примененной против него технике боя легко угадывалась классическая армейская школа. Все знакомые юноше ветераны бились точно так же, как этот мерзавец. Может быть, мелькнуло у Артура в голове, перед ним разжалованный солдат?

Закрыться, парировать, опять и опять… Противник сыну лорда Раймонда достался серьезный. Был он, может статься, не слишком быстрым, зато вызывал уважение и умением и ловкостью. Айтверн все старался додуматься, чем же его пронять, пытался применить все приемы, какие помнил. Несколько ударов его враг вполне успешно блокировал, а потом Артуру все же удалось его зацепить. На рукаве бандита начало расплываться кровавое пятно. Досадно лишь, что на левом, а не на правом. Впрочем, это было уже хоть каким-то началом. Молодой Айтверн вновь отступил, отражая вражескую атаку. Он подумал, что схватка затягивается. Нужно было скорее покончить с ней и бежать выручать сестру.

Айтверн дернул вверх свой клинок, зацепив усиком гарды вражеский меч и на секунду его заблокировав, – и сам в ту же секунду врезал кулаком левой руки разбойнику прямо в нос. Тот вскрикнул, пошатнулся, а юноша тем временем высвободил свою шпагу и немедленно проткнул неприятелю горло.

Через мгновение главарь разбойников был уже мертв.

Артур не стал осматривать тело поверженного врага, не до того было. Вместо этого он бросился вперед по улице – такой опустевшей, такой безлюдной, такой необитаемой улице. Ни следа Айны и ее похитителей. Нужно было спешить, не теряя ни секунды драгоценного времени, и Артур побежал сломя голову, стирая сапоги о брусчатку, да только не видел впереди никого. Совсем никого. Те, кого ему полагалось преследовать, уже успели скрыться из виду. Бегущего по безымянному переулку молодого человека не оставляло ощущение, что он давно и безнадежно опоздал. Ловушка оказалась расставлена на совесть.

Глава 2

Плохие новости

Ведущий в королевский замок подъемный мост, перекинутый над защитным рвом, своей глубиной больше напоминавшим горное ущелье, был по дневному времени опущен, и у въезда на него замерли стражники в парадном доспехе. При виде всадника в зеленом плаще герцогов Айтвернов, на котором были вышиты фамильные золотые драконы, воины скрестили копья в официальном салюте. Артур устало поднял руку в ответном приветствии, левой что было сил вцепившись в поводья. На мгновение юноше показалось, что он сейчас свалится с коня и полетит в пропасть – полетит и будет кричать и крутиться в воздухе, пока не рухнет на самое дно. А есть ли вообще дно у этой бездны? Десятки футов, составлявшие глубину рва, сейчас обратились в воспаленном сознании Артура в бессчетные мили.

– Послушайте, милейший, – обратился юноша к начальнику стражи, чье имя никак не мог вспомнить. – Мой отец – он еще в замке?

Тот нахмурился, не иначе, пытаясь сообразить. На мгновение в заволакивающем голову Айтверна тумане порхнула исполненная вымученного отчаяния мысль: неужели отец опять уехал? И вновь придется носиться по огромному городу, теперь уже в его поисках. А времени так мало, и непонятно, есть ли оно вообще.

– Да, – наконец сказал офицер. – Не припомню, чтобы лорд констебль выезжал, – я на посту с утра, как раз видел его прибытие.

Артур вяло кивнул и направил Вихря по мосту. Мерный цокот копыт доносился словно издалека. Ну что ж, если отец на приеме у короля, он, Артур, пойдет прямо туда. Если кто-то попробует встать у него на пути – пусть прощается с жизнью. Только бы самому на ногах устоять.

Несмотря на имевшиеся у него опасения, при въезде во двор молодому человеку все же удалось спешиться, не опозорившись при всем честном народе. Хотя колени едва не подкосились. Бессонные дни и ночи, предшествовавшие этому утру и слившиеся воедино с чахоточным кошмаром, начавшимся в Квартале Закрытых Дверей и продолжавшимся по сей час, наконец дали знать о себе тяжелой, похмельной болью, скрутившей все тело.

Отловленный слуга сообщил, что в последний раз видел герцога Западных Берегов минут пять назад в западном крыле. Туда Артур и направился. По дороге то и дело мелькали знакомые лица, казавшиеся сейчас незнакомыми. Его не раз окликнули, но юноша делал вид, что не слышит обращенных к нему приветствий. Это оказалось не так уж и сложно: он и в самом деле ничего не слышал. За исключением захваченного дома плаща, юный Айтверн был одет в ту же самую одежду, что и днем, она вся насквозь пропиталась чужой кровью и теперь липла к телу. Оставалось надеяться, что если все-таки кто-то и увидит кровь, то примет ее за пролитое вино. У наследника драконьих герцогов выдалась знатная попойка – такая, что на том свете жарко стало. Артур все-таки не выдержал и ухватился за край шпалеры, едва не содрав ее на пол.

– Вам нехорошо? – прозвучал тревожный голос. Кто это? Ах да, молодая леди Амелия, дочь тана Таламорского.

В иных обстоятельствах Айтверн был бы рад такой встрече. Он уже некоторое время ухаживал за этой очаровательной сероглазой и русоволосой девушкой, назначая ей вполне благопристойные встречи. Далеко, впрочем, этот роман не зашел, и юноша сомневался, что зайдет. По большей части он лишь хотел избегнуть гнева отца, несколько раздраженного отсутствием у наследника избранницы, и оттянуть время. Хотя юная леди, несомненно, внушала Артуру приязнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bocharov_anatoliy/rycar-iz-doma-drakonov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити